

Вступление

Анархистская критика государственного устройства как формы беспорядка не нова. Ближе к концу пьесы король Лир говорит[7]:

“ «Сквозь рублище порок малейший виден;
Парча и мех все спрячут под собой.
Позолоти порок — копьё закона
Сломаешь об него; одень в лохмотья —
Пронзит его соломинка пигмея.
Виновных нет! Никто не виноват!
Я оправдаю всех: да, друг, я — властен
Всем рты зажать, кто станет обвинять!
Купи себе стеклянные глаза
И, как политик гнусный, притворяйся,
Что видишь то, чего не видишь»[60].

В XIX веке подобного рода критика превратила анархизм в революционную политику преступников и изгоев. Так же как и сторонники государства, анархисты размышляли об управлении, разработке институциональной структуры и организационной эффективности. Но, выступая против частной собственности и институтов, необходимых для ее присвоения, сохранения и регулирования «на благо общества», анархисты заняли позицию, которая выглядела негативной, если не сказать враждебной. И поскольку они считали, что новые общества, возникшие после великих революций XVIII века, не обеспечили свободы, равенства и братства, то не просто задавались вопросом о том, как можно преобразовать существующие общественные структуры, но делали это критически, чтобы добиться дальнейших преобразований.

Защитники существующих режимов часто поднимали вопросы о долге и обязанностях. Как повысить в гражданах патриотизм, заставить их служить своему королю и президенту, уважать права других (особенно права меньшинства, владеющего собственностью)? Что могут сделать прогрессивные правительства, чтобы обеспечить благое управление во всем мире? Как ответственным правительствам защитить граждан от чужаков, обеспечить им экономическое благополучие и доступ к ресурсам? Анархисты тоже изучали эти вопросы и изучают до сих пор, но, как правило, с другой целью: выяснить истинную цену покорности и риски самопрезентации. В то же время они пытаются понять, какие механизмы обеспечивают этим режимам стабильность, несмотря на их очевидную несправедливость. Говоря политическим языком XIX века, они изучали, как господство и наемное рабство поддерживают системы угнетения.

В этой главе я сосредоточусь на критическом анализе культуры, проведенном анархистами с тем, чтобы раскрыть неизбежность рабства как социального феномена. Я использую

термин «культура» в том смысле, в каком его использовал Рудольф Рокер, — как восприятие и подход к жизни, а не как социальный аспект, связанный с изысканными удовольствиями интеллигенции или привычками элит[61]. Идея Рокера, которую он выдвинул в своем критическом разборе диктатур XX века — фашизма и сталинизма, — состояла в том, что суть культуры заключается в изучении человеческого вмешательства в природу и создании социальной среды. Эта концепция устанавливает связь между культурой и природой, а не противопоставляет эти два понятия, стирая границы между человеческой и нечеловеческой формами жизни и уничтожая «искусственное различие» между «людьми природы» и «людьми культуры». В представлении Рокера, отсутствия культуры просто не существует — всегда есть ее альтернативные формы, более или менее продуктивные или разрушительные, более или менее органические или синтетические, более или менее широкие или ограниченные, более или менее вдохновляющие или гнетущие. «Даже рабство и деспотизм являются проявлениями общего культурного движения», — утверждал он[62].

Концепция Рокера придавала новую глубину историям, претендовавшим на раскрытие базовых национальных различий с тем, чтобы обосновать особый характер отдельных групп. Удрученный агрессивностью и жестокостью европейских правительств, разжигающих недоверие и ксенофобию, Рокер задавался вопросом: каким образом народы, оказавшиеся заложниками этих режимов, могут подняться над тем, что навязано им в качестве национальных интересов, забыть о привилегиях, которые дает национальная принадлежность, и действовать солидарно с другими народами? Изучение культуры, охватывающей всю историю вмешательства человека в природу, и «костылей концепций», на которых удерживались ее объяснения, помогло ему найти ответ. Исследование факторов, повлиявших на особо заметные повороты в культуре, привело Рокера к выводу, что для культуры важны мастерство и стремление к совершенству, а вовсе не эксплуатация и стагнация. Культура — это процесс, посредством которого люди делают все возможное, чтобы постоянно улучшать окружающую действительность. Таким образом, задача заключалась в том, чтобы понять, как произошла деградация культур, как их можно восстановить и как сделать приоритетом сотрудничество и сохранение природы.

Рокер связал обнищание культур с укреплением роли государства и на 600 страницах подробно объяснил, что он имеет в виду. Я не стану воспроизводить или обобщать его анализ, но обрисую три главные идеи, касающиеся доминирования, чтобы исследовать анархистскую критику культуры раннего периода европейского движения. На этом фоне мы рассмотрим несколько образовательных инициатив, которые продвигают анархисты в борьбе с репрессивной машиной, а также ряд альтернативных культурных практик. Некоторые из фундаментальных вопросов, которые анархисты задавали о доминировании с целью пропаганды анархических культур, касаются процесса познания: что, как и почему мы изучаем? как приобретаем знания о мире? Добиваясь отмены доминирования, лежащего в основе слаженной работы государства, анархисты всегда стремились активно участвовать в образовательном процессе, создавая свободные школы и экспериментируя с учебными программами и педагогикой как в обычных, так и в альтернативных либертарных учебных заведениях. Такой интерес обусловлен их неприятием доминирования, при этом внимание фокусируется на процессе деконструкции полученных ранее знаний и переобучении, что дает людям возможность скинуть оковы и начать управлять своей жизнью.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 14:19:38

Зверобой обновил 11 апреля 2025 14:21:59